

Работа в зоне бедствия (Ленинаканский дневник). Часть 7. Одним органолептиком больше

В 2018 г. исполнилось 30 лет со дня одного из наиболее трагических событий в истории нашей страны – Спитакского (Ленинаканского) землетрясения, унесшего жизни не менее 25 000 человек (по неофициальным данным, около 150 000 человек).

В январе 1989 г. автор воспоминаний – Николай Афанасьевич Самусь – из г. Волгограда был направлен в качестве технического руководителя изыскательской группы НижневолжТИСИЗ в составе экспедиции Госстроя РСФСР в зону землетрясения – г. Ленинакан (ныне г. Гюмри), где был назначен главным геологом экспедиции. Работа была чрезвычайно масштабная и столь же специфическая. Ныне почётный изыскатель СРО «АИИС» Николай Афанасьевич работает геологом-консультантом в ООО «ГеоСИМ».

В марте и апреле журнал «ГеоИнфо» опубликует в виде небольших заметок, выходящих по 2 раза в неделю, воспоминания Николая Афанасьевича о той работе.

В полном объёме текст воспоминаний публикуется впервые.

Самусь Николай Афанасьевич
Геолог-консультант ООО «ГеоСИМ»
Samus.nikolaj@yandex.ru

11 февраля ездил на юго-восток города, где проектируется мебельная фабрика с технологическим оборудованием из ФРГ, которую на субподряде будут строить югославы, французы или финны. Тектоника площадки оказалась на редкость спокойной.

Изредка бывают тихие дни, когда нет высокого начальства из Москвы. В такие дни, пока бурильщики «гонят метры», а по ночам крепко спят, на первые места в экспедиции выступают мелкие бытовые события: то украли аккумулятор с буровой установки, то вскрыли ящик с запчастями, то украли ящик со сливочным маслом... В этот день прибыли проектировщики из Азербайджана, им предстоит восстанавливать Амасийский район на северо-востоке Армении. Изыскания для них не выполняются, своих привозить не рискуют, доходят слухи о конфликте в Карабахе, о чём я нигде не мог прочитать. Ощущение какой-то неопределённости и отсутствия твёрдого управления в стране.

12 февраля день начался и закончился ледяным ветром, с утра – дымка, потом резко – ясная погода, прекрасная видимость, ветер и пыль. Оказывается, этот период ледяных ветров длится иногда до месяца, даже имеет своё местное название, но я не смог узнать, какое. Днём приехали Кофф, Акинфиев, Кушнир. Уже после ужина они провели совещание по вопросам дальнейшей работы. Приехавший с ними Юрий Иванович Баулин сообщил на совещании о предстоящем выполнении инженерно-геологической съёмки масштабов 1:10000 и 1:5000 по Ленинану. Это в разы больше того, что уже выполнили по промзонам. В.И. Таборов, геофизик из Иркутска, говорил о необходимости проведения всесторонних геофизических исследований. Я сказал о необходимости создания здесь лаборатории и хоть маленькой камеральной группы, заодно сказал об эффективности биолокации при проведении геофизических работ. Уже поздно вечером в купе у Акинфиева состоялся разговор с Акинфиевым, Савосиным, Кушниром и Поповым, из которого я понял, что «застрял» здесь надолго, во всяком случае до мая, если не дольше. Работы предстояло очень много.

Признаюсь честно, что об этом совещании в круговерти событий я совершенно забыл, но в дневнике запись сохранилась. Читая теперь (февраль 2017) те записи, я только сейчас осознал, что оба поставленные мною вопроса были услышаны руководством объединения «Стройизыскания» Госстроя РСФСР.

На следующий день с утра я принял участие в обследовании территории чулочно-трикотажной фабрики на площади имени Ленина, где произошла наиболее массовая гибель работников предприятия из-за обрушения нескольких цехов. Походив по территории со своей проволокой, я определил, что фактическое направление аномалий (трещин) оказалось почти под прямым углом к тому, что было «обнаружено» геофизиками раньше по улице Ленина. Фактически территорию разрушенных цехов пересекали три плотные группы субпараллельных аномалий, что стало губительным для цехов фабрик.

В обед успел проверить несколько отчётов, а сразу после обеда Ю.И. Баулин, главный геофизик ПО «Стройизыскания», предложил мне показать ему, что такое биолокация, и как её применять, то есть, нет ли в этом какого шарлатанства. Я предложил выйти с ним и провести «контрольное» обследование находящейся недалеко от поезда одной из школ в посёлке «Роцца». Этот объект я предложил посмотреть ещё и по той причине, что там во дворе якобы уже после землетрясения образовались трещины в земле, хотел обследовать их.

Мне уже пришлось разбираться с этой школой, а тут ещё выяснилось, что нашли человека, который был автором сообщения о трещинах в земле и принёс его в Госстроевский штаб. После землетрясения, которым школа была сильно повреждена, в её двор завезли чернозём, спланировали, укатали, поставили палатки для занятий школьников. Чернозём, видимо, был влажным, в нём **значительно позже землетрясения** образовались морозобойные трещины, направление и локализация которых не имели ничего общего с тектоническими нарушениями. Обойдя здание и его окрестности несколько раз, я пришёл к заключению, что чёткие следы в стенах здания оставили подвижки вдоль аномалий, а морозобойные трещины в чернозёме к деформациям школы отношения не имеют. Этот вывод я попутно решил изложить Баулину.

Когда пришли на площадку, поначалу наметилось отсутствие взаимопонимания: в руках Юрия Ивановича проволока оставалась неподвижной, и он уже начал ворчать, что всё это пустая затея. Тогда я вспомнил, как однажды, на следующий день после небольшого «расслабления», проволока и в моей руке ни на что не реагировала. Я сказал ему: «Знаешь, Юрий Иванович, здесь есть одна тонкость. Если ты накануне «принял на грудь», – проволока работать не будет». Он резко повернулся ко мне, его большие голубые глаза стали огромными, и резким повышенным голосом почти крикнул: «Ты что!? Я спиртного никогда в жизни в рот не брал!» Чтобы подчеркнуть моё недоверие, я жёстким голосом спросил: «Тогда в чём дело?» Юрий Иванович почти выхватил из моей руки проволоку и зашагал вдоль здания. Вдруг проволока в его руке крутнулась, сначала в одну сторону, потом в другую... Он, ошеломлённый, остановился. «Продолжай! Сделай здесь круг и по трём пересечениям определи направление аномалии» – это я ему. Получилось! Тут же его наблюдение нанесли на план 1:2000. Обошли здание несколько раз. Посмотрели, как чётко совпадают линии аномалий с трещинами в стенах, походили и по морозобойным трещинам. «А теперь вот по этой аномалии пройди до соседнего строения». Юрий Иванович нашёл её на местности, прошёл к югу метров 30 и остановился: перед ним был широкий вывал в заборе, сложенном кладкой «мидис» (кладка из тёсаных с одной их стороны валунов туфа, скреплённых цементным раствором с нетёсаных сторон. При отсутствии арматуры такие заборы получаются ровными и красивыми, но повреждались легко). Дошли до следующей многоэтажки, и там нашли трещины... Глаза у Юрия Ивановича радостно светились, и, чтобы отобрать у него свой рабочий инструмент, я согнул ему из найденных алюминиевой и железной проволок сразу 2 индикатора. Это настолько его увлекло, что он заявил о намерении показать работу биолокации комиссии Г.Л. Коффа и даже составить протокол. Пришлось его отговаривать и успокаивать. Самое интересное, что индикаторы в наших руках работали идентично.

Сразу скажу, что для меня до сих пор остаётся загадкой, почему вывалы в заборах, которых я видел в городе несколько десятков, были только в одну сторону, в одних случаях в южную, в других – в северную, и никогда – на обе стороны забора.

Пока возвращались к поезду, до самого входа в штабной вагон Ю.И. Баулин продолжал вести наблюдения. Поднимаемся, я сажусь на своё место сразу слева у входа, а Баулин прошёл в середину вагона к С.А. Акинфиеву и Л.Г. Кушниру. «Ну, что?» – спросил кто-то из них, оторвавшись от бумаг. «Вы знаете, в этом что-то есть!» – только и сказал с энтузиазмом Юрий Иванович. Раздался громкий смех и возгласы: «Ну вот, одним органолептиком стало больше!»

Вечером С.А. Акинфиев просмотрел несколько уже выданных отчётов и ругал за допущенные ошибки в наименовании туфов и классификации их по прочности. Отчёты эти выпускались трестами напрямую, без моей проверки, но я возражать не стал, а решил провести работу с главными геологами отрядов. Ночью я спал часа три: сильно стучало сердце, не спалось. Усталость накапливается.

Рис. 1. Пологий, и-образный вывал в заборе на пересечении с аномалией СВ направления

В Волгограде при проверках я в первую очередь обращал внимание, все ли требования нормативных документов к материалам инженерно-геологических изысканий получили должное отражение в техническом отчёте, включая особенности изысканий в сейсмических районах. Все проверки велись на «бумажных носителях» (рукописях), это создавало дополнительные трудности в понимании разных почерков, а в экспедиции были представители более 20 трестов и в их составе по несколько пишущих геологов. Кроме того, только недавно вышел ГОСТ на вычисления расчётных значений характеристик грунтов, требовавший громоздких вычислений статистически достаточного числа результатов исследований (а их в первое время было совсем мало), что при отсутствии вычислительных машин сильно замедляло работу. Особо напряжёнными были проверки во второй половине времени моей работы, когда составление отчётов было массовым, приходилось за день проверять 4–6 отчётов, включая проверочные вычисления расчётных значений характеристик. Иногда заканчивал работу за полночь. Старался не обращать внимания на «мелочи», поэтому мои замечания почти не встречали возражений, а иногда итоговые разговоры заканчивались благодарностью за подсказки.

Рис. 2. Узкий, v-образный вывал в заборе на пересечении с аномалией СЗ направления

Следующий день выдался не менее суетным, вынужден был вернуть на доработку одну из работ геофизиков Ю.С. Рябоштана с формулировкой, что тектоника не строится под линейку по придуманным схемам... Поздно вечером позвонила Людмила (жена) и сказала о письме Алёши (из армии, в Эстонии): он там схватил дозу радиации. Одно за другим, то Оля, то Алёша... Опять очень плохо спал, а весь следующий день болело сердце.

Продолжение следует.